

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖЕНЫ

Лидия Васильевна Амосова (Денисенко)
1920 – 2014

Жена и ангел-хранитель дома и семьи Амосовых. Надежный тыл и преданный друг. Вместе они прожили почти 60 лет. А впервые встретились осенью 1941 года под Москвой. Здесь находился тогда полевой подвижной госпиталь ППГ- 2266. Ведущий хирург госпиталя Николай Амосов сделал в дневнике такую запись: "Нам дали операционную сестру, и она сразу заболела. Подумалось: "То-то будет работник". Это Лида Денисенко. Высокая, худая, белокурая... довольно красивая. Очень скромная..." "Всю жизнь она проявляла героизм. И в подвижнической работе операционной медсестры в составе "ППГ-2266", и в собственной хирургической судьбе в должности врача-ординатора, и в исключительно большой роли в феномене, в результате которого Амосов стал Амосовым. Во всех его исканиях и прорывах она была рядом, но не как партнер, а как славный помощник" — вспоминает друг семьи Амосовых Ю.Г.Виленский.

Утром подойду к портрету, скажу: "Доброе утро!", а вечером — "Спокойной ночи! " И как-то легче становится.

Вместе мы прожили почти 60 лет. А впервые увиделись осенью 1941 года. В Подольске, под Москвой. Здесь находился тогда полевой подвижной госпиталь ППГ-2266.

Николай Михайлович и тогда был поджарый — ни капли лишнего веса, очень энергичный. И очень... жалостливый. Тяжело переживал, если раненого не удавалось спасти. И даже однажды собирался свести счеты с жизнью, когда раненый скончался на его глазах от аллергического шока при обезболивании. Спас его тогда Аркадий Алексеевич Бочаров, главный хирург полевого эвакуационного пункта. Помню, как в тот день Бочаров зашел в перевязочную с вопросом: "Где Николай Михайлович?" Я говорю: "У нас несчастье". — "Знаю. Где Николай Михайлович?" — "Ушел на квартиру"...

В перевязочной прямо на столике всегда стояла наготове большая коробка с ампулами обезболивающего и шприцы. Николай Михайлович, как оказалось, взял сколько-то ампул морфия и ввел их по дороге домой. Он был в отчаянии: "На фронте враг стреляет, а тут я убил человека! " Вовремя разыскал его Бочаров — промыл желудок и всю ночь не отходил ни на минуту, рассказывал о разных случаях из практики хирургов... С Бочаровым мы остались друзьями на всю жизнь. (После войны генерал-лейтенант Аркадий Бочаров был заместителем главного хирурга Советской Армии. — Сост.)

Часто во время операций я ему ассистировала. В молодости я была быстрая, шустрая. Мы с ним были очень близки по темпераменту. Я старалась, и у меня получалось, а он любил хороших работников.

После двух лет совместной работы и жизни на колесах Николай Михайлович летом 1943 года предложил мне:

— Ну вот что, Лида! Ты меня знаешь, я тебя знаю. Давай регистрируемся.

23 июля 1943 года мы расписались в загсе белорусского города Речица. И

войну заканчивали как муж и жена.

9 мая в перевязочную залетел санитар и кричит: "Победа! Победа! На улицу!" Все сестры и врачи побежали на плац. Шум, стрельба... А я как раз накладывала повязку. Раненые просят: "Сестрица, не уходи!" И я осталась. То к одному подойду, то к другому — пожму руку, поздравлю...

После войны Николай Михайлович одно время работал в Москве, в Институте Склифосовского, под началом самого Юдина. Но он всегда хотел самостоятельности! Не мог быть под чьим-то непосредственным контролем, "от" и "до". И когда узнал, что Брянской областной больнице нужен главный хирург, мы сразу же туда отправились. Николай Михайлович начал оперировать больных туберкулезом легких. Тогда частичное и полное удаление легких почти не практиковалось, применяли торакопластику — это когда удаляются ребра и легкие срастаются с мягкими тканями... Он принялся за докторскую диссертацию, по вечерам я печатала ее на машинке — в то время найти в Брянске машинистку было невозможно.

На хирургическую конференцию в Киеве он приехал с целым чемоданом препаратов — срезов частей туберкулезных легких, удаленных при операции. Когда открыл чемодан, патологоанатом ахнула: "Мы в Киеве такого не делаем, как вы в Брянске!" Директор тубинститута Александр Мамолат тут же предложил Николаю Михайловичу перебраться в Киев. Но он сразу не давал согласия — не хотел уезжать из Брянска. Тогда-то я ему и сказала: "Вот теперь все. Буду поступать в Киевский мединститут!" Всегда мечтала о медицинском вузе (но отец был против, говорил: "не нужны мне твои покойники", и заканчивала я пединститут).

К экзаменам готовилась, сидя на киевских склонах — возле тубинститута, а ночевала в кабинете директора, рядом с патологоанатомическим отделением, одна на этаже. Страшно было! Но экзамены выдержала. Приезжаю в Брянск и говорю Николаю Михайловичу: "С 1 сентября пойду на занятия". Он быстренько рассчитался на работе. Мы сложили свои пожитки: все уместилось в маленький "Москвич" — пара чемоданов, какая-то кофточка да платье, несколько смен белья. И — в путь. В старом здании тубинститута нам дали однокомнатную квартиру. Так началась киевская жизнь...

Позже оказалось, что переезд в Киев, по сути, спас Амосова от... суда. В Брянске на него завели уголовное дело (муж одной медсестры, следователь, решил сделать на нем карьеру): будто бы хирург экспериментировал на больных, удаляя здоровые органы. Емкости с препаратами частей легких — теми самыми, которые произвели сенсацию в Киеве! — опечатали, истории болезни изъяли. Разгоралось "дело врачей", прекратившееся только после смерти Сталина...

Но первое время Николай Михайлович сердился на меня за этот переезд. Бывало, прихожу с занятий в мединституте, а он лежит на нашем "диване" — старом матрасе, накрытом ковром, — с книжкой в руках. Вот видишь, говорит, это ты виновата!

Он сердился, что пациентов было мало! Он тосковал без работы. Хотя оперировал не только в институте, но и в госпитале инвалидов войны. Однажды Мамолат ему сказал: "Микола, как только построим новое трехэтажное здание

института, я тебе его отдам". И отдал. Из Брянска приехало к Николаю Михайловичу подкрепление хирургов: Ольга Матвеевна Авилова, Анна Васильевна Малахова, Иван Дедков (ныне покойный). Постепенно легочная хирургия сошла на нет и остались операции на сердце...

Вскоре это здание на окраине Киева (потом здесь вырос Институт сердечно-сосудистой хирургии) стало известно всем: здесь делали уникальные операции, возвращая к жизни безнадежных больных. Сам Амосов сделал почти шесть тысяч операций на сердце. Примерно 12 процентов пациентов с искусственным кровообращением спасти не удалось. О том, как он переживал потерю каждого больного, в полной мере знали только мы в семье.

Когда я открывала ему дверь, то сразу видела, как прошла операция. Если неудачно, то на нем лица не было. Совершенно другая, скованная, походка и речь... Очень тяжело давался ему разговор с родными умирающего больного. Ведь, когда предлагаешь операцию, родные всегда спрашивают: доктор, а он выживет? А вдруг не выживет? Для Николая Михайловича это было пыткой. Но когда больного удавалось спасти, он преображался... Сколько раз пациенты, уже перед выпиской, приносили ему какую-то сумму денег в конверте! Он тут же все отметал. Ни копейки ни у кого не взял. Чистейший человек...

Слева направо: Лидия Васильевна, Катя и Николай Михайлович Амосовы, 1968 г.

Детей у нас долго не было, я настояла на ребенке. Профессор Лурье делал кесарево сечение. Николай Михайлович стоял у окошка клиники на бульваре Шевченко (там же потом и наша внучка на свет появилась). И когда он впервые увидел дочку — лежит что-то красненькое, маленькое и шевелит губками, как облизывается, — то признался, что у него будто кран в душе открылся: "Твой навек!.." Дочку мы назвали Катей — в честь моей мамы, Екатерины Елисеевны. И любимая тетья у Николая Михайловича тоже была Катя. "Закатило!" — как мы шутили в семье. К тете Катерине мы любили приезжать на отдых — в Старом Крыму у нее был домик.

В санатории не ездили. За всю жизнь в санатории отдыхали только один раз... Добираясь в Старый Крым, машину вели по очереди — дорога ведь неблизкая. Ночевали в саду под старым орехом, купаться ездили в Коктебель... Тетья Катя была бессребреница, так же, как и ее родная сестра — мама Николая

Михайловича, и он сам. А вдобавок — очень верующая, в отличие от других членов семьи — "безбожников". (Правда, и Николай Михайлович в последние два года начал пересматривать свое отношение к Богу). Ее так уважали все жители поселка — татары, русские, болгары, — что, когда в местной церкви не было священника, службу правила Катерина Амосова. Недавно на домике в Старом Крыму установили мемориальную табличку — в память о том, что здесь любил бывать Николай Михайлович. Думаю, это и дань уважения его тете.

К даче Николай Михайлович вначале относился скептически, а потом полюбил бывать в Клавдиево. Случалось, и траву косил, сам смастерил скамейки, полки в кухню, стол, теплицу для огурцов и помидоров. Но, будучи директором Института сердечно-сосудистой хирургии, ни разу не ездил на дачу в Клавдиево на служебной машине! Машина его встречала уже в Святошине: он выходил из ворзельской электрички и ехал на работу...

Николай Михайлович не раз говорил, что "главная у нас Лида. На ней держится наша маленькая семейная ячейка". Но, чтобы был порядок в "ячейке", нужно постоянно заботиться о быте, финансах, обедах, наконец...

В еде Николай Михайлович был неприхотлив. Главное, чтобы на обед было горячее — не важно, борщ ли суп или рассольник. И салат. Каш он не ел...

Бюджет семьи. С этим было совсем несложно. Я клала деньги в кружку — в буфете. И сколько ему было нужно на расходы, столько Николай Михайлович и брал. Единственное, я просила, чтобы он всегда имел при себе какую-то сумму — на всякий случай. Он очень любил покупать книги, библиотека собралась в 10 тысяч томов. Костюмы выбирал себе сам — на свой вкус, и я с ним не спорила. Мы очень просто жили — без скандалов, без сплетен...

Подарки он не любил. Самое большое, что готов был принять — это цветы. Единственное, что он когда-то разрешал приносить в свою клинику. Я тоже дарила ему только цветы. Утром зайду в кабинет и поставлю вазочку с его любимыми красными гвоздиками...

В последний год Николай Михайлович плохо себя чувствовал. Дочка забрала его к себе в кардиологический центр, он полежал 10 дней, и самочувствие стало лучше. Вернулся домой. Но потом занемог и 11 декабря снова поступил в кардиоцентр. Наблюдавший его врач периодически заходил к нему в палату — измерить давление, посчитать пульс. И на следующий день после обеда врач, как обычно, зашел: "Николай Михайлович, я хочу вас послушать!" Он говорит: "Пожалуйста". Повернулся на бок — и умолк. Навсегда... Бог послал ему легкую смерть — за то, что он так много сделал в жизни.

Первые два месяца он почти каждый день ко мне приходил. Я слышала звонок в дверь, его шаги... Потом был перерыв. А сейчас, перед годовщиной, он снова появляется. И во сне говорит: "Лида! Это я..."

2003 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015